

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 27-36

DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-107-118

Историческая компонента византийской агиографии

Михаил В. Бибииков

*Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия, mbibikov@mail.ru*

Аннотация. Кажущийся на первый взгляд антиисторизм византийских житий проявляется как в деконкретизации описываемых предметов и явлений, так и в соответствующей неопределенности датировок и атрибуций самих памятников. Одновременно целью житийного повествования оказывалась задача исторификации действия, доказывающего незаурядность, святость, нравственное и духовное величие героя. Показателен особый акцент автора-агиографа на факте своего присутствия в жизни героя повествования, собственного участия в его деяниях. Принцип аутопсии помогает доказательству реальности происходящих, даже самых необычных, на первый взгляд, чудес. Характерно внимание житий к событиям повседневности, частной жизни, к индивидуальным деталям обычного ежедневного ритуала, обходимым часто вниманием хрониками и монументальными историями. Наряду со стереотипностью описаний агиографических героев, в житиях часто можно уловить портретные характеристики представителей совершенно различных общественных страт, социально-психологических описаний таких категорий, как юродивые, нищие, отшельники и другие индивидуалы или аутсайдеры. Специфична роль агиографического времени, которое развивается в произведениях не циклично, как в античности, и не линейно, как в средневековой литературе. Пространство жития полно черт тератоморфизма, будь то в пустыне, дебрях или в безлюдных горах. Таким образом, историзм агиографии проявляется косвенно, в соответствии с этикетом и социально-психологическими и историческими условиями средневекового менталитета. Агиографический историзм обнаруживается (от греч. «апокалипсис» – откровение, обнаружение) как апокалиптический историзм.

© Бибииков М.В., 2021

Ключевые слова: агиография, Византия, историзм, время, пространство, герой жития

Для цитирования: Бибиков М.В. Историческая компонента византийской агиографии // История и архивы. 2021. № 3. С. 107–118. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-107-118

Historic component of Byzantine hagiography

Mikhail V. Bibikov

*Institute of World History of Russian Acad. of Sciences,
Moscow, Russia, mbibikov@mail.ru*

Abstract. The quasi apparent anti-historicity of Byzantine hagiography is manifested as in unconcretizing the described objects and phenomena and in the corresponding uncertainty of dating and attribution of the monuments themselves. At the same time the hagiographic narrative in its sense is aimed to resolve the task of historicization of an action that proves the uncommonness, sanctity, moral and spiritual greatness of the hero. It is characteristic that hagiographers like to stress their own participation in his deeds. The principle of “autopsy”, maintained in hagiography, helps to prove the reality of what is happening, even the most unusual, at first glance, miracles.

The attention of the Lives to the events of everyday life, private life, to the individual details of the usual daily ritual, often ignored by chronicles and monumental stories, is characteristic. Beyond the stereotypy of hagiographic images in the Lives, one can often catch portrait characteristics of representatives of completely different social strata, socio-psychological descriptions of such categories as holy fools, beggars, hermits, and other individuals or outsiders. The most peculiar in hagiography seems to be the function of time. Time is neither cyclic, as in histories and biographies of classical antiquity, nor linear as in medieval annals and historiography. The nature of temporal revelation is as iterative (the events of modern history are as if repetition or copy of the Biblical history) so sudden. The hagiographic space is full of features of teratomorphism, whether in the desert, the wilds or in the deserted mountains. Thus, the historical approach to hagiography is expressed indirectly, in accordance with the genre etiquette, the socio-psychological and historical conditions of medieval mentality. The historicity of hagiography seems to be characterized mainly as an “apocalyptic historicity” (from the Greek. “apocalypse” – revelation, discovery).

Keywords: hagiography, Byzantine, historicity, time, space, hero of the Life

For citation: Bibikov, M.V. (2021), "Historic component of Byzantine hagiography", *History and Archives*, no. 3, pp. 107–118, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-3-107-118

Традиции отечественной византистики с самого начала ее развития как самостоятельной дисциплины на рубеже XIX–XX вв. определили специальный интерес к историческим свидетельствам житийной литературы и ее значению в качестве исторического источника¹. Казалось бы, такой взгляд на жития противоречит сложившемуся устойчивому в наше время представлению о противопоставлении агиографического и исторического типов мировидения и литературных принципов создания исторических, с одной стороны, и житийных памятников – с другой².

Для агиографии считаются типичными такие авторские приемы, как схематизм, идеализация, стереотипность описаний, что прямо противоречит декларациям средневековых историков и хронистов о реалистичности их повествований в соответствии с тем, что они сами видели или читали о прошлом у таких же беспристрастных свидетелей исторических событий, ставших источниками их произведений³.

Свойственная многим средневековым житиям деконкретизация описаний приводит к выводу исследователей новейшего времени о невозможности исторического подхода к памятникам агиографии.

¹ *Васильевский В.Г.* Труды. Т. 3. СПб., 1915; *Лопарев Хр.* Житие Евдокима праведного // *Византийский временник*. Т. 4. 1897; *Он же.* Византийские жития святых VIII–IX вв. // *Византийский временник*. Т. 17. 1910; *Никитин П.В.* О некоторых греческих текстах житий святых // *Записки Императорской Академии наук. Историко-филологическое отделение, серия 8*. Т. 1. СПб., 1895; *Он же.* О Житии Стефана Нового // *Известия Императорской Академии наук. Серия 6*. СПб., 1912; *Рудаков А.П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917; *Papadopoulos-Kerameus A.* *Analecta Byzantinae Stachyologiae*. St.-Petersbourg, 1897–1898. Т. 4–5; *Latysev V.V.* *Menologii anonymi Byzantini saeculi X quae supersunt*. St. Petersburg, 1912. Т. 2.

² *Ключевский В.О.* Жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 432; *Полякова С.В.* Византийские легенды. Л.: Наука, 1972. С. 248; 260–262. См. также [Magdalino 1991, p. 693; Mentzou-Meimaris 1994, p. 552].

³ *Mertel H.* Die biographischen Form der griechischen Heiligenlegenden. Diss. Munchen, 1909. S. 90; *Шестаков Д.* Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1910. С. 104; *Лопарев Хр.* Греческие жития святых VIII–IX вв. Пг., 1914. С. 16.

А это, в свою очередь, приводит к многочисленным дискуссиям о датировках и атрибуциях житийных текстов. Так, в свое время Житие Георгия Амастридского то приписывалось перу монаха Игнатия, относя соответственно его составление к последней трети IX в., то «удревляли» хронологию памятника и меняли авторские атрибуции в соответствии с этим [Sevcenko 1977, p. 113–131]. Житие Евдокима относилось первоначально ко времени патриархов Игнатия или Тарасия⁴, хотя на самом деле оказалось памятником XIV в. [Beck 1977, S. 699]. Историческая неопределенность обуславливает в Житии Стефана Сурожского путаницу между фигурирующими в тексте императорами Львом III (правил в 717–740 гг.) и Львом V (813–820), или там же, наоборот, заставляет различать благочестивую дочь «царя Керчи», покровительствующую герою жития, и Ирину – хазарскую принцессу, ставшую женой василевса Константина Копрона и императрицей, хотя речь в тексте идет об одном и том же лице⁵. Подобные примеры можно продолжить.

С нечеткостью житийных памятников в датировках, атрибуциях или локализациях описываемых событий связана и другая черта византийской агиографии – использование авторами памятников определенных наборов клише нормативных черт героя, определенных цветов, создающих положительный образ, вместо живого портрета описываемого героя⁶.

Однако, с другой стороны, историзм повествования является необходимой компонентой жития, ведь агиограф должен прославить своего героя, описав в исторических свидетельствах необходимые реальные доказательства святости, неординарности героя, рассказав об определенных исторических событиях, доказывающих это. Так строятся Чудеса св. Димитрия Солунского или Житие св. Стефана Сурожского [Lemerle 1979, pp. 116–127; Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников 2009, с. 11–75], т. е. исторический нарратив становится необходимой составной частью жития.

При этом очень показательно, что агиографы, если они были современниками описываемых событий, всегда подчеркивают свое участие или хотя бы свидетельское присутствие при совершении того или иного чуда, виденного самим автором: так повышается градус достоверности описания даже самых невероятных событий. Поэтому Никита из Амнии настаивает на своей особой роли в точности описания жизни Филарета Милостивого, т. к. автор являлся внуком прославляемого героя и непосредственным участником,

⁴ Лопарев Хр. Житие Евдокима праведного... С. 355–356.

⁵ Васильевский В.Г. Труды. Т. 3. С. 74.11–14, 76.8–9, 93.16–24.

⁶ Delehaye H. Die hagiographischen Legenden. Munchen, 1907. S. 25. См. также [Dorn 1967, S. 121].

и свидетелем его жизни⁷. Также и Григорий – автор Жития Василия Нового – был учеником преподобного, а значит, лучшим источником исторических свидетельств [Пентковская, Щеголева, Иванов 2018, с. 224].

В основе многих византийских житий, деяний, мученичеств, похвальных слов лежит идея необходимости историфицировать какую-нибудь определенную идею. Так, идея особого константинопольского притязания на апостольское наследие предопределило соответствующее оформление апокрифической по своему происхождению легенды об ап. Андрее, что становится очевидным при сравнении ее с агиографической традицией св. Климента [Dvornik 1958; Чичуров 1992, р. 195].

Подобного рода причины обуславливают включение в житийные тексты подробных описаний исторических событий – войн, набегов, разорений. Часто эти сюжеты носят уникальный информационный характер, как например, в Житии Романа Новомученика – описание сражения византийцев с арабами, а в Житии Георгия Амастридского – свидетельство о походе росов на Амастриду, или в Житии Василия Нового – сообщение о венграх и росах («Рос, Гог и Магог») около 941 г. [Пентковская, Щеголева, Иванов 2018, с. 410–418]. Одновременно с этим связан и обратный процесс – включение в византийские исторические хроники, исторические повествования и хроникальные заметки сюжетов чисто агиографических, иногда прямо текстуально заимствованных из церковной литературы, как, например, у Феофана в «Хронографии» при заимствованиях из Жития Филофея.

Исторический нарратив в житиях отмечен своими специфическими чертами, если сравнивать с описаниями хроник и монументальных историй. Агиографу интересна конкретика индивидуального, бытового мира, события ритуального характера. Детали в житиях выходят на первый план, как, например, при характеристике начала иконоборческих смут у Никиты Амнийского. Здесь агиография достигает желанной читателю индивидуализации, гуманизации исторических событий и фактов. В этом отношении жития – такие, как Филарета Милостивого, или Феофано, или Ирины из монастыря Хрисоваланта, – являются лучшим историческим источником описаний таких событий, как смотри-конкурсы царских невест – важный элемент социально-психологических аспектов культурной и семейной жизни Византии [Ryden 1982; Ryden 1985; Ryden 1986a; Ryden 1986b; Rosenquist 1986]. Агиографы наполняют свои рассказы множеством бытовых деталей, фактами повседневности, индивидуализируя свой труд проникновением в такие сферы частной

⁷ Полякова С.В. Указ. соч. С. 99–114.

жизни, до которых монументальные исторические повествования не доходят⁸.

Для характеристики детальной точности житий показательна терминологическая дословная верность при указании титулов и должностей героев, как это наблюдается в Житии Иоанна Готского, или Жизнеописании патриарха Евфимия [Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007, с. 8–15]⁹, что часто отсутствует в византийских хрониках, предпочитающих фигуральные и описательные термины. Одновременно детальность описаний позволяет агиографу увидеть целые социальные пласты византийского общества, такие как мир юродивых, нищих, отшельников, пилигримов, куртизанок и других аутсайдеров и индивидуалов, мимо которых проходят часто авторы монументальных историй, упуская из вида интересные моменты для социально-психологической характеристики византийской повседневности [Hilpisch 1931, s. 121; Benz 1938; Ryden 1963; Ryden 1970; Magdalino 1981; Иванов 1995]¹⁰.

Такая сфера, как секс, почти не затрагиваемая историками и хронистами, находит свое место именно в житиях святых, где мотив соблазна, борьбы с различными искушениями является постоянной важной компонентой жизни агиографического героя [Kazhdan 1990; Иванов 2005]. Леонтий Неапольский описывает в Житии Симеона Юродивого женские искушения героя¹¹, а объектом домогательств блудницы оказывается и Андрей Юродивый в его жизнеописании, так же как Мелитина в Житии Василия Нового пытается соблазнить святого. Другой маргинал – маг-язычник становится искусителем в Житии Киприана и Юстины у Симеона Метафраста.

Всё это является отражением мотивов «низовой» культуры. Именно поэтому, например, эмоционально окрашенные бранные ругательства сохранились именно в житиях и деяниях, как, например, греческая транслитерация славянского просторечия «курва» дошло в рассказе Деяний Давида, Симеона и Георгия Митиленских (конец VIII – IX вв.)¹². Агиограф обыгрывает омонимию двух слов, обозначающих, с одной стороны, блудницу, а с другой – изогнутость, край седла (от лат. *curvus*): «Когда ему привели коня, блаженный дотронулся до седла и сказал: “Увы монаху, который между

⁸ Рудаков А.П. Очерки византийской культуры... См. также [The Byzantine Saint 1981].

⁹ Две византийские хроники X в. М.: Наука, 1959. С. 7–140.

¹⁰ См. также: Ковалевский И. Юродство во Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. М., 1902.

¹¹ Полякова С.В. Указ. соч. С. 74–75.

¹² Van den Gheyn I. SS. Davidis, Symeonis et Georgii Mitylenae in insula Lesbo // *Analecta Bollandiana*. Vol. 18. P. 252.10-11.

двумя курвами сидит!» Именно так обозвав края седла, он отказался взойти на коня и привычным образом совершил путь до своего прибежища пешком»¹³. Так «низовая» заимствованная лексика находит свое отражение в византийской агиографии.

Таким образом, историческая компонента воплощается в житийной литературе в виде прямых или скорректированных текстовых заимствований, либо в виде событийного нарратива. Отсюда – шаг до создания своеобразной жанровой контаминации в византийской литературе – мирских житий исторических героев, не прославленные Церковью и не канонизированных как святых [Erhard 1937–1952; Alexander 1940; Munitiz 1981, p. 164–168; Munitiz 1991, p. 798–799]. Ближайшие очевидные примеры подобного рода – Житие патриарха Евфимия, прозванное «Псаммафийской хроникой»¹⁴, и Жизнеописание императора Василия у Константина Багрянородного в Хронике Продолжателя Феофана¹⁵. Даже выдержанное в агиографических нормативах Житие патриарха Никифора, созданное диаконом, затем митрополитом Игнатием, представляет собой в жанровом отношении полумирскую биографию¹⁶, т. е. источником византийской агиографической традиции оказывается наряду с церковными житийными канонами и похвальными речами прославляющей энкомиастики – исторические биографии реальных исторических героев, воплощенные иногда в легендарных сказаниях¹⁷.

Несомненно, чертой, дополняющей характеристику историзма житий, становится тенденция авторов конкретизировать социальный фон и пространство действия, будь то своего рода милитаризация агиографического героя в X–XI вв., как, например, в образе св. Евверкия – полководца, погребенного в облачении стратопедача, или палестинской блудницы Марии Египетской¹⁸.

Итак, во многих случаях нельзя провести непреодолимую границу между повествованием нарративных исторических текстов и житий, однако последним присущи некоторые важные черты, специфически отражающие функционирование главных исторических категорий. Так, историческое время в агиографии не циклично, как, скажем, в античных сочинениях Геродота, Фукидида

¹³ Жития византийских святых эпохи иконоборчества. Т. 1. СПб.: Алетей, 2015. С. 499.

¹⁴ Две византийские хроники X в. С. 7–140.

¹⁵ Theophanus Continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon Magister. Georgius Monachus. Bonnae, 1838. S. 211–353.

¹⁶ *De Boor C. Theophanis Chronographia. Leipzig, 1883. Vol. 1. S. 139–217.*

¹⁷ Шестаков Д. Указ. соч. С. 104.

¹⁸ Полякова С.В. Указ. соч. С. 84–98.

или Плутарха [Лосев 1977], но и не линейно, как в средневековой, особенно западноевропейской, анналистике. В житиях же время функционирует как категория провиденциалистическая: оно выражается в предсказаниях, пророчествах, обращенных в будущее, а не в прошлое, как в обычных исторических описаниях. Поэтому и проявляет себя время в агиографическом памятнике часто как откровение (греч. «апокалипсис»). При этом откровение проявляется не только в итеративной форме, когда события новой и современной автору истории представляются как повторение и воплощение библейских событий далекого прошлого, но и в форме внезапного чудесного озарения, как например, Василий Новый, внезапно появляющийся и чудесным образом вдруг начинающий творить чудеса, или как Константин, неожиданно симультанно преобразовавшийся из иудейского мальчика в христианского монаха¹⁹.

Симультанному проявлению агиографического времени соответствует отсутствие прошлого или пренебрежение в воспоминаниях о нем у агиографического героя, как у Василия Нового, не имеющего на страницах жития ни родины, ни родословия, ни прошлой жизни. Филарет же Милостивый сам отказывается от состояния, от наследия, от прошлого. Прошлым в агиографическом описании легко можно было пренебречь, оно не важно, не существенно в деле чудесного перевоплощения святого.

С отстранением от прошлого агиографических героев связана и принципиальная ксенофилия житийных персонажей, столь контрастирующая с обычным для византийской историографии и хронистике негативным отношением к «варварам», чужеземцам, тем более к иноверцам и вообще чужакам даже на бытовом уровне. Юродивые же житий, странники, паломники, герои, уходящие от родителей, от своих близких, а затем через много лет появляющиеся в пустыне или в чаще, которых не узнают и не понимают их речь и предсказания, – типичные герои агиографии, кажущиеся всем глушцами, типа Андрея или Симеона [Иванов 2005].

Поэтому и агиографическое пространство не только само по себе «чуждо» (пустыня, дебри, камни гор), населено чужаками, но и тератологично, в нем обитают существа-искусители. Тератологический предел – это мир сатаны, в котором агиографы представляют своего главного антигероя [Mango 1991]. Эти дьявольские силы обладают способностью увлекать и вовлекать в свои сети героя, как демоны фактически руководят действиями Феосево – жены Филарета Милостивого²⁰.

¹⁹ *Афиногенов Д.Е.* Житие преп. Константина из Иудеев. Житие св. исповедника Никиты. М.: Святоотеческая письменность, 2001.

²⁰ *Полякова С.В.* Указ. соч. С. 101–102.

Апокалиптизм пространственно-временного развития действия в житиях отражается и в поведении во времени и пространстве своего героя, в чем и выражается проявление, «раскрытие» его святости, глубины его внешней сущности, как у того же Филарета это проявляется в его бессребреничестве, внешней жизненной непрактичности, даже глупости с позиций обывателя, но за чем стоит высшая мораль, духовность, чистота и святость. Историческое пространство открывается в точных реалиях пейзажей, как, например, Таврии в Житии Иоанна Готского или Константинополя – у Василия Нового.

Таким образом, историзм агиографии проявляется в глубинном подспудном смысле описываемого, что коррелирует с социально-психологическими и конкретно-историческими условностями Средневековья, проявляясь косвенно тем самым в виде апокалиптического историзма.

Литература

- Иванов 1995 – *Иванов С.А.* Византийское юродство. М., 1995. 234 с.
- Иванов 2005 – *Иванов С.А.* Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005. 448 с.
- Лосев 1977 – *Лосев А.Ф.* Античная философия истории. М.: Наука, 1977. 208 с.
- Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников 2009 – *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К.* Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь: АнтикВА, 2009. 334 с.
- Могаричев, Сазанов, Шапошников 2007 – *Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К.* Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь: АнтикВА, 2007. 345 с.
- Пентковская, Щеголева, Иванов 2018 – *Пентковская Т.В., Щеголева Л.И., Иванов С.А.* Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе. М.: ЯСК, 2018. Т. 1. 776 с.
- Чичуров 1992 – *Чичуров И.С.* «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской традиции // *The Legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow.* Thessaloniki, 1992. P. 196–213.
- Alexander 1940 – *Alexander P.* Secular biography at Byzantium // *Speculum.* 1940. Vol. 15. P. 194–209.
- Beck H.-G. 1977 – *Beck H.-G.* Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich. Munchen: Beck'sche Verlag, 1977. 835 S.
- Benz 1938 – *Benz A.* Heilige Narrheit // *Kyrios.* 1938. No. 1–2. P. 1–55.
- The Byzantine Saint 1981 – *The Byzantine Saint* / Ed. by S. Hackel. London; Birmingham, 1981. 245 p.
- Dorn 1967 – *Dorn E.* Der sundige Heilige in der Legende des Mittelalters. Munchen, 1967. 162 S.

- Dvornik 1958 – *Dvornik F.* The idea of Apostolicity in Byzantium and the legend of the Apostle Andrew. Cambridge (Mass.), 1958. 342 p.
- Erhard 1937–1952 – *Erhard A.* Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche. Leipzig, 1937–1952. Bd. 1.–3.
- Hilpisch 1931 – *Hilpisch P.* Die Torheit um Christi Willen // Zeitschrift für Askese und Mystik. 1931. Т. 6. P. 121–131.
- Kazhdan 1990 – *Kazhdan A.P.* Byzantine hagiography and sex in the fifth to twelfth centuries // *Dumbarton Oaks Papers*. 1990. Vol. 44. P. 131–143.
- Lemerle 1979 – *Lemerle P.* The agrarian history of Byzantium from the origins to the twelfth century. Galway, 1979. 272 p.
- Magdalino 1981 – *Magdalino P.* The Byzantine Holy Man in the twelfth century // *The Byzantine Saint* / Ed. by S. Hackel. London; Birmingham, 1981. P. 51–66.
- Magdalino 1991 – *Magdalino P.* The alternatives to hagiography in the twelfth century // 18th International Congress of Byzantine studies. Résumés. Moscow, 1991. P. 403–421.
- Mango 1991 – *Mango C.* Diabulus Byzantinus // *Dumbarton Oaks Papers*. 1991. Vol. 46: Homo Byzantinus. Papers in Honour of A. Kazhdan. C. 215–223.
- Mentzou-Meimaris 1994 – *Mentzou-Meimaris C.* The Life of Saint's Biographers in the middle and late Byzantine periods // *Septième Congrès International d'études du Sud-Est Européen. Rapports*. Athènes, 1994. P. 545–559.
- Mertel 1909 – *Mertel H.* Die biographischen Form der griechischen Heiligenlegenden. Diss. München, 1909. 100 S.
- Munitiz 1981 – *Munitiz J.A.* Self-Canonization. The partial account of Nicephoros Blemmydes // *The Byzantine Saint* / Ed. by S. Hackel. London; Birmingham, 1981. P. 164–168.
- Munitiz 1991 – *Munitiz J.A.* Hagiography and autobiography in the 13th century // 18th International Congress of Byzantine Studies. Résumés. Moscow, 1991. P. 243–249.
- Rosenquist 1986 – *Rosenquist J.O.* The Life of St. Irene Abbess of Chrysobalanton. Uppsala, 1986. 175 p.
- Ryden 1963 – *Ryden L.* Das Leben des Heiligen Narren Symeon von Leontios von Neapolis. Uppsala, 1963. 206 p.
- Ryden 1970 – *Ryden L.* Bemerkungen zum Leben des Heiligen Narren Symeon von Leontios von Neapolis. Uppsala, 1970. 155 p.
- Ryden 1982 – *Ryden L.* The revised version of the Life of St. Philaretos the Merciful and the Life of St. Andrew Salos // *Analecta Bollandiana*. 1982. T. 100. P. 485–496.
- Ryden 1985 – *Ryden L.* The Bride-Show at the Byzantine court-history or fiction? // *Eranos*. 1985. Vol. 83. P. 175–191.
- Ryden 1986a – *Ryden L.* Byzantine hagiography in the ninth and tenth centuries. Literary Aspects // *Kungl. Human. Vetensk.-Sam Uppsala*, 1986. P. 69–79.
- Ryden 1986b – *Ryden L.* New forms of hagiography. Heroes and Saints // *The 17th International Byzantine Congress. Main Papers*. New York, 1986. P. 537–554.
- Sevcenko 1977 – *Sevcenko I.* Hagiography of the iconoclast period // *Iconoclasm*. Birmingham, 1977. P. 113–131.

References

- Alexander, P. (1940), "Secular Biography at Byzantium", *Speculum*, vol. 15, pp. 194–209.
- Beck, H.-G. (1977), *Kirche und theologische Literaturim Byzantinischen Reich*, Beck'scheVerlag, Munchen, Germany.
- Benz, A. (1938), "Heilige Narrheit", *Kyrios*, no. 1–2, pp. 1–55.
- Chichurov, I.S. (1992), "A Journey of Apostol Andrew in Byzantine and Ancient Russian Tradition", in *The legacy of Saints Cyril and Methodius to Kiev and Moscow*, Thessaloniki, Greece.
- Dorn, E. (1967), *Der sundige Heilige in der Legende des Mittelalters*, Munchen, Germany.
- Dvornik, F. (1958), *The idea of Apostolicity in Byzantium and the legend of the Apostle Andrew*, Cambridge (Mass.), USA.
- Erhard, A. (1937–1952), *Uberlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche*, Leipzig, Bd. 1. – 3.
- Hackel, S. (ed.) (1981), *The Byzantine Saint*, London, Birmingham, UK.
- Hilpisch, P. (1931), "Die Torheit um Christi Willen", *Zeitschrift fur Askese und Mystik*, vol. 6, pp. 121–131.
- Ivanov, S.A. (1995), *Vizantijskoe jurodstvo* [The Byzantine holy foolishness for Christ], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.
- Ivanov, S.A. (2005), *Blazhennye pohaby: Kul'turnaja istorija jurodstva* [The Blessed Brutes. A cultural history of holy foolishness for Christ], Yazyki slavyanskih kultur, Moscow, Russia.
- Kazhdan, A.P. (1990), "Byzantine hagiography and sex in the fifth to twelfth centuries", *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 44, pp. 131–143.
- Kazhdan, A.P. and Nasledova R.A. (eds.) (1959), *Dve vizantijskie hroniki X veka* [The two Byzantium chronicles of 10th century], Nauka, Moscow, USSR.
- Lemerle, P. (1979), *The agrarian history of Byzantium from the origins to the twelfth century*, Galway University Press, Galway, Ireland.
- Losev, A.F. (1977), *Antichnaja filosofija istorii* [Antique philosophy of history], Nauka, Moscow, USSR.
- Magdalino, P. (1981), "The Byzantine Holy Man in the twelfth century", in Hackel, S. (ed.), *The Byzantine Siant*, London; Birmingham, UK, pp. 51–66.
- Magdalino, P. (1991), "The alternatives to hagiography in the twelfth century", in 18th International Congress of Byzantine studies. Résumés, Moscow, Russia, pp. 403–421.
- Mango, C. (1991), "Diabulus Byzantinus", in *Dumbarton Oaks Papers*, vol. 46, Homo Byzantinus. Papers in Honour of A. Kazhdan, pp. 215–223.
- Mentzou-Meimaris, C. (1994), "The Life of Saint's Biographers in the middle and late Byzantine Periods", in *Septième Congrès International d'études du Sud-Est Européen*. Rapports, Athènes, Greece, pp. 545–559.
- Mertel, H. (1909), *Die Biographischen Form der griechischen Heiligenlegenden*, diss, Munchen, Germany.
- Mogarichev, Yu.M., Sazanov, A.V. and Shaposhnikov, A.K. (2007), *Zhitie Ioanna Gotskogo v kontekste istorii Kryma «hazarskogo perioda»* [The Life of John

- of Gothia in Context of Crimean History of Khazarian Epoch], AntikvA, Simferopol, Ukraine.
- Mogarichev, Yu.M., Sazanov, A.V., Stepanova, E.V. and Shaposhnikov, A.K. (2009), *Zhitie Stefana Surozhskogo v kontekste istorii Kryma ikonoborcheskogo vremeni* [The Life of Stephen of Sourzh in context of Crimean history of iconoclast epoch], AntikvA, Simferopol, Ukraine.
- Munitiz, J.A. (1981), “Self-Canonization. The partial account of Nicephoros Blemmydes”, in *The Byzantine Siant*, London; Birmingham, UK, pp. 164–168.
- Munitiz, J.A. (1991), “Hagiography and autobiography in the 13th century”, in *18th International Congress of Byzantine Studies. Résumés*, Moscow, Russia.
- Pentkovskaja, T.V., Shhegoleva, L.I. and Ivanov, S.A. (2018), *Zhitie Vasilija Novogo v drevnejšem slavjanskom perevode* [The Vasily Novy’s Life in the most ancient Slavic translation], vol. 1, JaSK, Moscow, Russia.
- Rosenquist, J.O. (1986), *The Life of St. Irene Abbess of Chrysobalanton*, Uppsala, Sweden.
- Ryden, L. (1963), *Das Leben des Heiligen Narren Symeon von Leontios von Neapolis*, Uppsala, Sweden.
- Ryden, L. (1970), *Bemerkungen zum Leben des Heiligen Narren Symeon von Leontios von Neapolis*, Uppsala, Sweden.
- Ryden, L. (1982), “The revised version of the Life of St. Philaretos the Merciful and the Life of St. Andrew Salos”, *Analecta Bollandiana*, vol. 100, pp. 485–496.
- Ryden, L. (1985), “The Bride-Show at the Byzantine court-history or fiction?”, *Eranos*, vol. 83, pp. 175–191.
- Ryden, L. (1986), “Byzantine hagiography in the ninth and tenth centuries. Literary aspects”, Kungl. Human. Vetensk.-Sam., Uppsala, Sweden.
- Ryden, L. (1986), “New forms of hagiography. Heroes and saints”, in *The 17th International Byzantine Congress. Main papers*, New York, USA, pp. 537–554.
- Sevcenko, I. (1977), “Hagiography of the Iconoclast period”, in *Iconoclasm*, Birmingham, UK, pp. 113–131.

Информация об авторах

Михаил В. Биби́ков, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32А; mbibikov@mail.ru

Information about the author

Mikhail V. Bibikov, Dr of Sci. (History), professor, Institute of World History of Russian Acad. of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninskiy Av., Moscow, 119334, Russia; mbibikov@mail.ru